

«СВЯТЫЕ» ПАЛАЧИ ИСААКА БАБЕЛЯ

ТРАГЕДИЯ СОВЕТСКОГО КЛАССИКА, ТАЛАНТЛИВО И ВЕСЕЛО ВОСПЕВШЕГО НАСИЛИЕ

В

Вот прочел — и задумался: «Причиняемая боль, развивает...»

Кого развивает? Того, кто причиняет боль, или — кому причиняют?

Эту фразу сказал первый философ Америки и государственный Бенджамин Франклин, ну тот, который на 100-долларовых купюрах. Еще сказал, что «Сеющий терновник не должен ходить босиком...»

Поразительно, но обе мысли эти очень подходят классику нашей литературы — к жизни и творчеству Бабеля. И не менее поразительно, что все пять домов, где он жил в Москве, сохранились, кроме последнего — где его арестовали и впоследствии — расстреляли.

Последний адрес

(Бол. Николоворобинский пер., 4)

Этого дома, последнего убежища Исаака Бабеля, в Москве нет. Снесли в 1968-м. Где-то рядом (Яузский бул., 3, стр. 1) установили мемориальный знак «Последнего адреса» его. А на месте реального дома выстроили огромное и комфортабельное жилье для богатых, каких ныне много.

А ведь он был, тот дом. Дом безумно талантливого человека, вся жизнь которого уместилась в 45 лет. Того, кто, на мой взгляд, принадлежал к редким затаенно изобретательным людям, которые про себя убеждены: они ловчее, умнее, хитрее других и всех обойдут в забеге на стометровке жизни. Бабель (уж если быть точным, то Бобель — такой была его настоящая фамилия) не лгал только в литературе. Дар, чувство слова не позволяли. А в жизни остроумный, смешливый, любитель розыгрышей, любознательный и по-еврейски мудрый, многое строил как раз на обмане.

Только вот обмануть свой собственный конец ему не удалось.

«А нас не могут арестовать?» — спросила его молоденькая проектировщица Метро-строя, комсомолка Антонина Пирожкова, которую он позвал как-то в этот дом на «варе-

жизни» и которая стала второй женой его. «При жизни старика (Горького), — ответил он, — это было невозможно. А теперь это все же затруднительно».

Увы, именно сюда в пять утра придут чекисты, не просто люди, а настоящие «святые люди» (так Бабель называл их раньше в разговоре с Фурмановым) и, узнав у Пирожковой, что Бабель погуляет на даче в Переделкине, повезут и будут (губить!) его...

Эх, эх, эти «святые люди» бывали здесь у писателя и раньше. И как друзья, и как очень близкие люди. Еадокимов, представитель ОГПУ по Северному Кавказу, украинский гаушник Горожанин, любивший «тесные связи с писателями», Моисей Горб, чекист «генеральского уровня», о котором Бабель скажет: «Вот парадокс. Ему приходится расстреливать людей, а ведь это самый сентиментальный человек, каких я знаю» и, кажется, главный папаш интеллигенции Яков Агранов — «Янечка», так звал его Маяковский.

Въехать в эту квартирку Бабелю помогла Сейфуллина. В две комнаты его на 2-м этаже вела деревянная, ступенек на 20, лестница. Спальня была и «неуютным» кабинетом его: столик, шкаф, рабочий стол, два стула, три сундука, металлический ящик с замком, где хранил документы, и книжные полки, которые он заказал так, чтобы они были высотой до подоконника и во всю длину стены. На них раскладывал свои листки — узкие полоски бумаги, которые сам резал и на которых писал. Здесь лично заваривал чай-первач (4 ложки «с верхом» на чашку). Считал, что пить его надо не просто до дна, а до пота на животе, до «бисера».

«Маленький, кругленький, в рубашечке какой-то сатиновой, — запишет о нем как раз в 1930-х критик Вячеслав Полонский, — гимнастик с остреньким носиком, с лукавыми глазами, в круглых очках. Улыбающийся, веселый, с виду простоватый. Только изредка, когда перестает прикидываться весельчаком, — его взгляд становится глубоким, меняется лицо: появляется другой человек, с какими-то темными тайнами в душе». Непростой был че-

ИМЕННО В ЭТОТ ДОМ В ПЯТЬ УТРА ПРИДУТ ЧЕКИСТЫ, «СВЯТЫЕ ЛЮДИ» (ТАК БАБЕЛЬ НАЗВАЛ ИХ В РАЗГОВОРЕ С ФУРМАНОВЫМ). ОНИ БЫВАЛИ ЗДЕСЬ У ПИСАТЕЛЯ И РАНЬШЕ...

ловек, «старая еврейская культура». Ходит в мягких тапочках и, вертя верелочку, ниточку или бумажку, ищет точного слова. Потом заносит фразы на полоски бумаги. «Но не печатает их — «живет на проценты» с напечатанных...»

В нем, дополнит портрет художница Валентина Ходасевич, «не было ничего яркого, цветного. И волосы, и цвет глаз, и кожа — все было приглушенных тонов. Если бы не глаза, то можно пройти мимо: ну просто еще один обычный человек...»

«Я крепкий... Я многих переживу»

Нет-нет, мимо этого дома все последние семь лет жизни писателя мало кто проходил. Здесь бывали писатели, художники, артисты (те же Утесов, Михоэлс, с которыми дружил). Да что там: здесь у Бабеля обедал Андре Жид и «гонял чай» Лион Фейхтвангер и Андре Мальро, из-за которых (во многом) его и назовут потом «французским и австрийским шпионом». Отсюда, кстати, его, как раз по настоянию Мальро, в пожарном порядке (спешно сшив ему за госсчет летнее пальто и два костюма) отправили в 1935 году в Париж, на антифашистский конгресс.

*1
Исаак Бабель
(1894–1940).

*3
С Антониной
Пирожковой.

*2
Тот самый дом
в Большом Николово-
робинском переулке, 4.

*4-6
Его книги, вошедшие
в историю советской
литературы.

И отсюда ходил на съезд советских писателей, где с трибуны пафосно учил других, как надо писать:

«Посмотрите, — взывал, — как Сталин кует свою речь, как кованы его немногочисленные слова, какой полны мускулатуры. Я не говорю, что всем нужно писать, как Сталин, но работать, как Сталин, над словом нам надо».

Со Сталиным, к слову, был лично знаком (познакомился у Горького), но эта его хвала не мешала ему шептаться о вожде с Эйзенштейном. Кто-то третий — просто «источник!» — тут же донес в НКВД:

«Вы понимаете, — спрашивал Бабель кинорежиссера, — кто сейчас расстрелян?.. Сокольников очень любил Ленин... и вся борьба его — это борьба против Сталина. А возьмите Троцкого. Троцкий, бесспорно, будет продолжать борьбу и его многие поддержат... Мне очень жаль расстрелянных потому, что это были настоящие люди. Каменев после Беллинского — самый блестящий знаток литературы. Я считаю, что это не борьба контрреволюционеров, а борьба со Сталиным...»

Оппозиционер, скажете? Да нет, не все так просто. «Святым» себя, разумеется, не считал, но мы с полным правом можем назвать его так. Ибо он, представьте, тоже был чекистом. Первой работой его при советской власти была служба в петроградской Чка. «Переводчиком», как пишут ныне (он действительно после Одесского коммерческого училища знал три языка). Но нынешний литературовед Иван Толстой, помянув службу Бабеля в ОГПУ, вдруг сказал, что он как «с молодости начал работать там, так на всю жизнь и остался».

Похоже на правду, хотя в застенках «родного» ему НКВД его и расстреляют. В те дни «святые» очень даже запросто расстреливали таких же «святых».

Сам об этой службе, к слову, особо не распространялся, но когда к нему пришел в

ОТКУДА ХОДИЛ НА СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ, ГДЕ С ТРИБУНЫ ПАФОСНО УЧИЛ ДРУГИХ, КАК НАДО ПИСАТЬ: «ПОСМОТРИТЕ, КАК СТАЛИН КУЕТ СВОЮ РЕЧЬ, КАК КОВАНЫ ЕГО НЕМНОГОЧИСЛЕННЫЕ СЛОВА...»

1938-м Мандельштам, то после рассказов Бабеля о «совместных пьянках с чекистами» спросил, почему его так тянет к ним: «Распределитель, где выдают смерть? Вложить персты?» «Нет, — ответил Бабель, — пальцами трогать не буду, а так потяну носом: чем пахнет?..»

Так это или не так — неизвестно. Нам не заглянуть уже в тот металлический ящик, где, возможно, хранился якобы написанный им

*7
С режиссером
Сергеем
Эйзенштейном.

*8
Исаак Бабель
на Первом Всероссийском
съезде писателей
1934 год.

роман о чекистах, тот замысел, о котором он говорил в 1924 году Фурманову: «Не знаю, справлюсь ли... опасаясь, не получилось бы приторно». Тот вроде бы готовый роман, главы из которого, уже в 1937-м, слышал от автора известный в то время сценарист Алексей Каплер.

Роман то ли «Чекисты», то ли «Чека», но, по мнению Каплера, «гигантской силы вещь...»

«Я крепкий, я многих переживу», — сказал другу, критику Полонскому. Но 16 мая 1939 года его, прямо в старых сапогах, посадят на заднее сиденье «эмки» и отвезут на Лубянку «Сообща Андрею», — успеет шепнуть Пирожковой, имея ввиду Андре Мальро. Там, в тюрьме, отберут ключи от квартиры, бритву, ключи. А из багажника выгрузят 15 папок с рукописями, 11 записных книжек и семь блок-

* 9, 10
Дом в Чистом переулке, 8, где писатель жил с первой женой Евгенией Гронфайн.

* 11
С отцом и сестрой Мериам. 1910 год.

Был ли там роман «о колхозах», который, по его признанию, он писал последние годы, или роман о Чека, как многие думают, и ныне неизвестно. Все, как и труп его, будет предано огню. Похоронен будет в одной яме с главным чекистом Ежовым на Донском и рядом с урной его многолетней любовницы — как раз жены наркома НКВД Евгении Ежовой, она же Фейгенберг, она же Хаятина и Гладун.

Той, кому признался незадолго, что его спасет «европейская известность».

«Щелочка» для соглядатая (Чистый пер., 8)

Писатели в силу своей профессии — наблюдатели. Но если большинство смотрят на мир жадно, но открыто, то Бабель, который вечно искал «нечто», предпочитал не смотреть — подглядывать. И любопытен был до неприличия. Он ведь и при первом знакомстве с Пирожковой вдруг захотел заглянуть в ее сумочку. Ну что там могло быть у примерной комсомолки? А когда обнаружил в сумке письмо от молодого человека, то, выкатив смешливые глаза, как бы наивно спросил: «А прочесть можно?..»

Но здесь, в этом первом московском доме, Бабель поселился в 1924-м (по «наводке», кстати, Маяковского, который знал хозяйку квартиры Розу Гинабург) еще с первой женой, с Женечкой Гронфайн. За спиной его, сына состоятельного одесского торговца (сам утверждал, что он из бедной «еврейской семьи»), были уже коммерческое училище, институт финансов в Киеве (там и познакомился с Женечкой), потом, с 1915 года — Психоневрологический институт в Питере, где учился с Михаилом Кольцовым и даже Ларисой Рейснер. Потом на несколько месяцев фронт и журналистика, работа в губкоме, в Чека, в наркомате продовольствия и опять — репортером и даже выпускающим редактором в типографии.

Писать начал с 1915-го и одним из первых стал рассказ со значимым для него названием «В щелочку». Знаете, о чем? О том, как герой его за пять рублей покупает у хозяйки квартиры право подсматривать из своей комнаты жизнь протитутток по-соседству. За подгляд! Вот когда я оценил поздние слова Тынянова о его творчестве, что «смысл приема Бабеля состоит в том, что он одним голосом говорит и о звездах, и о триппере».

Мне рискну сказать даже шире — этот «подгляд» станет «приемом» не только творчества Бабеля, но и жизни его. «Это невкусно, но любопытно», — скажет, когда при кремлении друга-поэта Багрицкого пойдет смотреть «в глазок» печи; когда на «стометровке жизни» выбьет себе позже разрешение тайно присутствовать при допросах и «ликвидациях» на Лубянке. Да ведь и вся «Конармия», которую он печатал как раз в этом доме, разве не

БУДЕННЫЙ, ВОРОШИЛОВ И ИМЕНИТЫЕ КОННИКИ ДРУЖНО ВЫСТУПИЛИ ПРОТИВ КНИГИ. КЛЕВЕТА НА РЕВОЛЮЦИЮ, «БАБИЗМ БАБЕЛЯ», «ДЕГЕНЕРАТ ОТ ЛИТЕРАТУРЫ» ЗАМЕЛЬКАЛО В ГАЗЕТАХ

«подгляд», где он, под именем Кирилла Лютый, едва ли не единственный положительный персонаж?

Долгое время считалось, что в конармию (якобы «в люди») его направил сам Горький, уже напечатавший два его «порнографических рассказа» в 1917 году; за них Бабеля чуть не отдали под суд. Но на деле в 1-ю Конную, военкором ЮГ-РОСТА, его «пристроил» в 1920-м тот же Кольцов, друг, с кем (и с писателем Зозулей) Бабель жил в самый голод в одной питерской квартире. Может, и потому отправил, что тот уж слишком ловчил.

«Мы стали жить, как братья, — вспомнит Кольцов. — Ели гузники (так! — Авт.) и запивали чаем. Иногда перепадала коробка сардин. Но однажды Зозуля сказал: «Поди посмотри в щелку, как Бабель один ест хлеб». Я глянул: стоит и жует. Потом вышел и говорит:

*12, 13
Климент Ворошилов и Семен Буденный в штюки приняли «Конармию».

*34
М. Греков. Трубачи Первой конной. 1934 год.

*15
С дочерью. Париж. 1932 год.

«Вот третий день не видал ни крошки хлеба...».

И тогда же от голода Бабель пошел служить в наркомпрод, который расположился в Аничковом дворце и где он «явочным порядком», как сказал Паустовскому, вселился и спал на диване в кабинете Александра III. Вот, сказал другу, нашел в ящике письменного стола коробку великолепных папирос из «розовой бумаги» — подарок царю от турецкого султана Абдул-Гамида. Одну тогда же подарил и Паустовскому, с которым ее же, на пару, и выкурил. А уж после работы в Чека, где ему выдали «обмундирование и талоны на обед», хлеб на его столе и вовсе не пропадал.

Скандал с «Конармией» встретил как раз в этом доме, в Чистом переулке. Буденный, Ворошилов и именитые конники дружно выступили против книги. Клевета на революцию, враки, «бабизм Бабеля», «дегенерат от литературы» замелькало в газетах. Но иначе писать он уже не мог. Была у него какая-то страсть к крови, к темному в человеке — страсть почти садистическая.

Наконец, в этом доме влюбился в красивую актрису Тамару Каширину и, pardon, «сделал» ей ребенка, Эммануила, в честь отца; его потом усыновит и переименует в Михаила писатель Вс. Иванов, к которому уйдет Каширина. Не из-за этого ли еще здесь, в 1925 году (он как раз писал сценарий фильма «Еврейское счастье»), его бросит Женечка Гронфайн. Уедет в Париж, но он догонит ее и там, уже в 1929-м, тоже «сделает» ей бэби. Прямо как в своем очерке «Дворец материнства»:

«Надо же когда-нибудь делать революцию. Вскинуть винтовку и стрелять друг в дружку — это, может быть, иногда бывает неглупо. Но кто знает — может быть, это совсем не революция? Надобно хорошо рожать детей. И это — я знаю — настоящая революция».

Правда, там, в Париже, схлопочет пощечину, но не от Жени — от друга Саши Черного, поэта Горянского, который с криком «чекист» накинется на него в каком-то кафе. Да, на Западе эмигранты считали его продавшимся «красным», а в России подозревали в «беллизне». В этом межеумочном состоянии и жил. Пусть себе считают, что он — человек-тайна. А что?.. Разве талант не имеет на это права?.. Тем более что тайн в его жизни и впрямь хватало.

И, пожалуй, главная — та, вторая, а может, и первая Женечка его жизни.

Евгения Ежова — она же Фейгенберг, она же Хаютина и Гладун.

Темные тайны (Карманицкий пер., 3)

«Сеющий терновник не должен ходить босиком!» — помните цитату Франклина? Бабель и не ходил босиком. Более того, дальновидностью, знанием человеческой природы, а где надо и природной хитростью — всех обведу вокруг пальца! — всерьез ограждал себя от вероятных неприятностей. Стелил соломку будущего.

Дом в Карманицком переулке — тоже уцелевший. Здесь, у своих друзей Григория Сокольниковца, (в прошлом члена ЦК и когда-то редактора «Правды») и его жены, писательницы Галины Серебряковой, жил в 1932-м. Они только что вернулись из Лондона, где хозяин квартиры два года был полпредом, а Серебрякова собирала материал для юнга о Марксе. Не уверен, что все трое знали, что 30 лет назад в этом доме жил поэт Бальмонт, а вот то, что в 1933-м сюда вселился Лев Каменев, не только знали, но, может, и тому содействовали.

Бабель не просто знал их всех, но с 1920-х был близко знаком с Троцким, Зиновьевым, Рыковым (отдыхали вместе в Кисловодске). Знал их ум, даже преклонился. Но это не помогло ему, когда шел суд над Радеком, Пятаковым и близким ему Сокольниковым, заклеивать их в «Литературке». «Скоро двадцать лет, — прогремел в газете, — как Союз Советов, страну справедливого и созидательного труда, ждет гений Ленина и Сталина... Этой работе жюри, сидящие на скамье подсудимых, противопоставляют свою «программу». Мы узнаем из этой «программы», что надо убивать рабочих, топить в шахтах, рвать на части при крушениях...»

Мне скажут, что все лгали (в подборке откликов «засветились» Леонов, Шкловский, Фросман, Зоценко, Тынянов, даже Платонов и Баратовский), но ведь не все дружили с судьями. Он и про Горького, который ввел его в литературу и у которого подолгу жил, бросит в эти годы: «Изоггался старик...»

Жизнь «на проценты»...

«Искусство его вымогать «авансы» — изумительно, — отозвался о нем в дневнике тот же

Вячеслав Полонский, критик и редактор «Нового мира», разглядевший «темные тайны» в его душе. — У кого только ни брал, кому он ни должен — всё под написанные, готовые рассказы и повести. В «Звезде» даже был напечатан отрывок из рукописи «уже имеющейся в портфеле редакции». Получив с журнала деньги, Бабель забежал в редакцию на минутку, попросил рукопись «вставить слово», повертел в руках и, сказав, что придет завтра, — унес домой, и вот четвертый год «Звезда» не видит рукописи... Взял много тысяч — в «Красной нови», в «Октябре» — и еще в разных местах. Должен «Новому миру» 2 400 руб. Ухитрился даже забрать под рассказы пять тысяч в Центросоюзе...»

Позже новая запись Полонского: «Явился, розовый, в темной рубашке, в новеньком пид-

*16
Дом в Карманицком переулке, 3 хранит «темные тайны».

*17
С Максимом Горьким.

ИМЕННО ЕЖОВА, ЧЕРЕЗ МУЖА, СДЕЛАЛА ЕМУ ПРОПУСК В КАБИНЕТЫ ГПУ. И ОН ТАЙНО, «В ПОДГЛЯД», ПРИСУТСТВОВАЛ НА ДОПРОСАХ И ДАЖЕ НА РАССТРЕЛАХ. ЖУТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ! НО ТАК БЫЛО...

жаке, черное кожаное пальто, румяный, пахнет вином. Весел. «Кормят меня, возят меня всюду», — говорит. Читал рассказ — о деревне... Деревня его — как и «Конармия», — кровь, слезы, сперма...»

Почему не печатается? — задавался вопросом Полонский. — «Причина ясна... он знает, что пострадает, если напечатает их раньше... Воронский утверждает, что они сплошь контрреволюционны... Читал еще один рассказ — о расстреле — страшной силы. С такой простотой, с таким холодным спокойствием, как будто лузит подсолнухи...»

Что ж, людей и расстреливали в те дни, будто семечки лушили. Но видеть это Бабелю помогла жена наркома НКВД, та самая вторая или все-таки первая в его жизни Женечка — Ежова-Хаятина-Гладун, в 1930-х уже редактор журнала «СССР на стройке», а затем и правдинской «Иллюстрированной газеты».

«Подумать только, — скажет о ней незадолго до ареста Бабель, — наша одесская девчонка стала первой дамой королевства...»

Роковая «первая дама»

Бабель познакомился с ней в Берлине в 1926-м — она работала машинисткой в полпредстве. Ей было 22 года, но она, расставшись уже с первым мужем, осталась на Западе, когда ее второго мужа — директора издательства «Экономическая жизнь» Гладуна — ото-

звали в Москву. Сошлись в день знакомства: еще бы, у обоих были общие знакомые-писатели — Катаев, Олеша, Багрицкий. Бабель позвал ее «покататься на машине» и завез к себе в гостиницу, где они и стали любовниками. «В смысле политическом, — рассказывал Бабель на следствии, — она представляла... совершенный нуль, и была типичной «душечкой», говорила с чужих слов и щеголяла троцкистской терминологией. В тридцатом году связь наша прекратилась... и по прошествии некоторого времени, узнал, что она вышла замуж за ответственного работника... Ежова».

И Бабель — я уже и не удивился — возобновил «связь». Это было как раз, когда он жил в Карманницком. Тогда и стал посещать кавардачный «салон Ежовой». В тот год она, «легкомысленная девчонка, больше всего любившая фокстрот», работала еще в газете «Гудок», куда ее пристроили одесские друзья Олеша и Катаев. Другой Катаев, не Валентин, а Иван Катаев, писатель, расстрелянный в 1937 году, тоже любовник ее, скажет позже, что она, «конечно, держала «салон», но главным в нем — была ее спальня». Перед которой даже сам Шолохов, «любимец Сталина», не устоял.

«Тяжелая у нас с тобой любовь, Женя», — сказал ей в номере «Националя» при свидании. Это — дословно, ибо стенографист-

*18

Евгения Ежова-Хаятина-Гладун (1904–1938).

*19

Генрих Ягода (1891–1938).

*20

Николай Ежов (1895–1940).

17/2. Бабель Н.С. как Эммануилович 1894г.

ки НКВД за стеной (известны даже их фамилии) фиксировали и поцелуи, и все прочее. «Интимная связь Шолохова с женой тов. Ежова, — доложил наверх лейтенант НКВД Кузьмин, — зафиксирована нами во время контроля номера». А уже подруга Ежовой расскажет на следствии, как в тот же вечер пьяный Ежов вынул из портфеля бумаги и, получив от жены отрицательный ответ на вопрос: «Ты с Шолоховым жила?», в ярости швырнул ей расшифровку: «На, читай!»

Подруга эта и остановит тогда же жестокое избивание Ежовым своей жены, поскольку, по его словам, Берия, ежовский зам, уже положил стенограмму на стол самому Сталину...

Знал ли об этой «тайне» Бабель? Неведомо. Разве что со слов следователей, да из протоколов допросов Ежова, которые ему давали читать. Зато знал, что «первая дама королевства» его, покончив с собой в ноябре 1938 года (как доказано, по приказу всеисильного мужа), первой из этой троицы легла на Донском кладбище. А мы в свою очередь уже точно знаем, что именно она, через мужа, «сделала ему пропуск в кабинеты ГПУ»; он признался в этом актрисе Грановской и, значит, тайно, «в подслед», присутствовал и на допросах, и даже на расстрелах. Страшная правда. Жуть человеческая!

Но так было: «Это невкусно, — да-да, его слова — но любопытно...»

Сломленный

На Лубянке, а затем в Сухановке, его «сломили» за две недели. В последнем письме Берия признался «в дешевом скептицизме, в легальстве профессиональным неверием, в предельной усталости и упадничестве уже в первые годы революции, в возведении самого трезвого распутства в молодечество». Что ж,

* 21-23
Подследственный Бабель в списке арестованных с резолюцией Сталина, в ордере на арест и на фотографии из следственного дела.

* 24
Следователь Лев Шварцман (1907—1955).

* 25
Памятник Исааку Бабелю в Одессе.

это, признаем, правда, но вся ли? А ведь когда-то, в доме Горького, когда о Ежове и слышно не было, Бабель в шутку спросил наркома НКВД Ягоду (выпивали втроем): «Скажите, как надо себя вести, если попадешь к вам в лапы?» Тот посоветовал: «Все отрицать, какие бы обвинения мы ни предъявляли, говорить «нет», только «нет» — тогда мы бессильны».

Но под пытками и Ягода, и Ежов, и Бабель признались во всем, даже в том, чего и не совершали.

На следствии оговорил всех: Хаятину-Ежову, Мальро, Эйзенштейна, Михоэлса, Воронского, Эренбурга, Фадеева, Федина, Сейфуллину, Багрицкого, Утесова, Татьяну Тэсс и еще пару десятков, даже эмигрантов Ремизова и Цветаеву. Позже, на коротком, 20-минутном суде, скажет: оговорил под давлением. Но — поздно, все уже было поздно. И уж он-то знал, даже «подгляддел» когда-то, что и как надвигается на него...

«Установлено, — гласило обвинительное заключение, — что еще в 1928—29 гг. Бабель вел активную контрреволюционную работу по линии Союза писателей... знал о контрреволюционном заговоре, подготовленном Ежовым Н.И., вошел в заговорщическую организацию, созданную женой Ежова-Гладун (Хаятина) и по заданию Ежовой готовил террористические акты против руководителей партии...»

Ну и, как я говорил уже, с 1934 года «является французским и австрийским шпионом», завербованным Андре Мальро.

И уже никто не помнил, что этот сломленный человек совсем недавно делал другие признания:

«Я беру пустяк — анекдот, базарный рассказ, и делаю из него вещь, от которой сам не могу оторваться. Над ним будут смеяться вовсе не потому, что он веселый, а потому, что всегда хочется смеяться при человеческой удаче...»

Следователя, который вел его «дело», матерого палача, капитана Льва

Шварцмана, спросили на суде уже 1956 года — знал ли он, «чем занимался Бабель?»

— Мне сказали, что он писатель.

— Вы прочитали хоть одну строчку его? — уточнил судья.

— Зачем? — вопросом на вопрос ответил палач.

«Причиняемая боль», если по Франсуазе, не развита в палаче Человека. Но нам не дано узнать, остался ли палач для подследственного Бабеля «святым»...